

Сергей Собакин

Сергей Анатольевич Собакин (творческий псевдоним Sergio Sobatini) – родился в 1983 году в Москве. Окончил НОУ ВПО «Дербентский институт искусств» по специальности «культуролог». Член ЛИТО им. Ф. Шкулёва; Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги. Прозаик, драматург, публицист, поэт, композитор. Сотрудничал со звёздами отечественной эстрады и зарубежными артистами в качестве поэта-песенника, аранжировщика и вокального продюсера. Автор романов, рассказов и пьес в жанре мистический реализм, антигрязный реализм и духовно-психологическая проза. Публикуется в журналах: «Москва», «Артбухта», «Русский динозавр» (изд. «Чтиво»), «Профессиональная психотерапевтическая газета» (ОППЛ). Живёт в г. Видное.

ЛАВРЕНТИЙ

Рассказ

Есть у меня друг Лаврентий. Мы с ним раньше в медицинском университете учились. Огромный такой парняга, под два метра ростом. Ну, как парняга – дядька. С виду грозный, задумчивый, даже страшноватый. Но это только на первый взгляд. Внутри он сам лапочка. Правда, очень воспитанный, интеллектуальный, весёлый такой – добряк, одним словом.

Несмотря на мощные габариты и внушающий ужас вид, вплоть до двадцати пяти лет его очень сильно опекала мама. Да, кстати, она тоже доктор – строгая такая еврейка. Ну и он, как это водится, по маме – еврей, но не иудей, а православный, хотя и обрезанный в детстве.

Помню, когда мы учились на первом курсе, он мне как-то рассказывал, что мать его настолько контролировала, что он был обязан всё делать по часам, в том числе и домой возвращаться в строго отведённое время. Ни про какие гулянки и речи не шло, а парню уже давно стукнуло восемнадцать. «А вдруг что случится?!» – тревожилась мама. Позвольте, да что с Лаврентием может случиться? Он сам кого хочешь нокаутирует, а потом ещё и первую медицинскую помощь окажет, не зря же в медицину пошёл. Когда я слышал эти его рассказы про мамино беспокойство, то невольно представлял себе картину: подворотня, время за полночь, какие-то обкуренные наркоманы выжидают очередную жертву. Вдруг из-за угла появляется небольшой силуэт. Наркоманы с предвкушением потирают руки и мысленно представляют, как без особых усилий добывают себе очередное «добровольное пожертвование» на дозу. Ухмылка на их лицах переходит в тихое отвратное хихиканье, а потом и вовсе превращается в злорадствующий гогот. Тем временем сквозь сумрак фигура всё ближе подплывает к хулиганам. Постепенно их злорадство и смех сходят на нет, и в итоге они видят перед собой двухметровую глыбу с отсутствующим взглядом. Лаврентий скромно улыбается, подходит к одному из разбойников и, протягивая руку, говорит: «Уважаемые, не подскажите, где здесь магазин “Медтехника”?» Наркоман подаёт Лаврентию свою костлявую ручонку, не зная, что через мгновение испытает адскую боль от богатырского рукопожатия.

Я сам не раз и не два испытывал эту боль, создаваемую давлением могучих пальцев Лаврентия. Как будто под пресс попадал. Я даже взвизгивал иногда: «Всё, всё, Лаврентий, хватит! Остановись! Ты раздавишь мне руку!» На это Лаврентий лишь скромно, по-доброму улыбался и продолжал сжимать «искалеченную» руку, не осознавая всей силы своего могучего хвата. После этого ритуала изгнания демонов с визгом, вихлянием и мольбами прекратить эту пытку следовали не менее крепкие дружеские объятия, после которых невольно возникало ощущение, что побывал на приёме у костоправа... Уже потом, много раз испытал на себе приёмы инквизиции, похожие на обряд экзорцизма,

я перестал так охотно протягивать руку Лаврентию и ограничивался ударом кулака об кулак, что тоже было весьма болезненно, но всё же не так опасно, как перелом пясти.

Так вот, представьте, когда такой детина, «машина для убийств», самостоятельно передвигался по улицам. И неважно, что ему было восемнадцать или двадцать лет. Я и сейчас могу себе представить, как после этой встречи в подворотне наркоманы стали более избирательны в поисках жертвы, так как сами опасались того, что могут попасть в некролог после встречи с таким вот ожившим Франкенштейном – славным милым убийцей-костоправом...

Как я уже сказал, несмотря на свои природные данные и внушительные размеры, мама Лаврентия продолжала его контролировать и даже наказывать, если тот случайно опаздывал на пять минут... Но при этом в её поведении было нечто странное. Парадоксальная реакция, так сказать. Она запрещала ему всё и вся, а особенно какие-либо долгие передвижения по родному городу, но при этом могла отправить его за границу на всё лето. Одного. В чужую страну. С чужими обычаями и менталитетом. Не правда ли, странно? Да, и я так тоже думал.

Когда наши отношения из просто дружеских превратились в очень доверительные, он стал делиться со мной своим опытом пребывания за границей. В частности, в Лондоне он числился как студент в языковой школе, на которую с удовольствием «забывал», а вместо посещения уроков ходил по пабам и бабам. Да-да, именно по пабам и бабам. «Откуда деньги?» – спросите вы. Так всё просто: он устраивался на любую почасовую работу, где расчёт производился в конце каждого рабочего дня. Лаврентий успел поработать и грузчиком, и строителем, и даже вышибалой. Как вы понимаете, никто не спрашивал у него паспорт при устройстве на работу. Фейсконтроль он тоже проходил без проблем. На то было две причины: во-первых, Лаврентий ну никак не выглядел на свой возраст, а во-вторых, мало кто хотел связываться с русским гигантом, отказав ему в чём-либо. Все были уверены, что он совершеннолетний. Когда Лаврентий предавался воспоминаниям, он часами мог рассказывать мне о своих любовных похождениях и о том, как ловко он всех объегоривал насчёт истинности своего возраста. Я слушал как замороженный, поскольку сам был сопляком и толком жизни ещё не видел.

Познакомились мы с ним на вступительных экзаменах в медицинский университет. Еле-еле сдав все дисциплины, мы попали в один поток и одну группу. Как-то сразу у нас завязалась дружба: вместе сидели в аудиториях и на семинарах, ходили в столовую и местное кафе. С первого курса нас стали водить в анатомичку. Зрелище, надо сказать, не для слабонервных. Запомнился случай, когда нашу группу впервые привели посмотреть на трупы. Я никогда не забуду эту атмосферу ужаса, что создавалась скрытой паникой в глазах первокурсников. Всюду пахло формальдегидом и животным страхом. Глаза разъедало от испарений раствора. В аудитории стояло несколько ванн, в которых плавали трупы и останки. Меня стало подташнивать. В горле образовался невротический ком. Для нас провели небольшую экскурсию, после чего профессор сказал нам подойти к операционному столу, на котором лежал «несчастный». Медленно, с опаской группа подползла к назначенному месту и спряталась за спиной профессора.

– Ну, дорогие коллеги, сейчас мы будем препарировать Васю! – весело произнёс профессор.

– Какого такого Васю? – послышался встревоженный женский голос.

– Ну как же? Вася, местный житель, в прошлом бомж. Вот, теперь у нас на санаторно-курортном режиме пребывает, так сказать, хе-хе!

После слов профессора человек пять девчонок сдвинулись в сторону от стола и начали дружно охать и перешёптываться.

– Ну а сейчас, коллеги, мы с вами будем препарировать нашего бедолагу! – радостно продолжил профессор.

– Как это?! Что это значит?! – раздался голос из толпы.

– Как что значит? Резать будем, говорю, хе-хе.

Позади профессора послышался хлесткий удар о кафель. Инструменты разлетелись по всей аудитории. Это упал в обморок Лаврентий. Представляете? Никто и подумать не мог, что этот здоровенный шкаф – такая чувствительная натура... «Скорее поднимите ему голову и дайте нашатырь!» – прокричал профессор. Вся группа, кудахча, как курицы на насесте, принялась судорожно искать аптечку. Курицы – потому что почти вся группа состояла из девчонок. Парней было по пальцам пересчитать. Я отодвинулся в сторону и наступил кому-то на ногу. Этот «кто-то» завизжал, и я услышал голос девушки: «Ну ты кабаняка! Смотри, куда костыли свои швыряешь!» Это была наша староста – девица,

надо сказать, хабалистого поведения, да и внешний вид тоже был под стать. Мне кажется, что я в тот момент сам был готов упасть в обморок: руки тряслись, сердце колотилось прямо в кадык. Кто-то сказал мне, что выгляжу как привидение, отчего я ещё больше запаниковал, но вида не подавал. Вскоре очнулся Лаврентий, и все облегчённо вздохнули.

– Ты нас так больше не пугай, здоровяк! А то мы подумали было, что, не ровен час, придётся заказывать путёвку, ставить вторую ванную и знакомить тебя с твоим новым соседом Васей, хе-хе! – едко ухмыльнувшись, сказал профессор.

– Не-не, всё в порядке, док! – покашливая, произнёс Лаврентий. – Это с голодухи...

– С какой такой голодухи, хе-хе? Не заливайте тут, Лаврентий! А раз уж осмелились дерзить, тогда берите своего дружка цвета простыни и топайте в морг за препаратами!

Мы знать не знали, что такое препараты, но сказано – сделано. Пройдя длинными коридорами, мы попали в плохо освещённый подвал. Вскоре нам стало понятно, что мы «на месте», то есть в морге. Картина была ужасная: куча тележек с трупами, какие-то закрыты, какие-то открыты. Над ними стоят люди в халатах. Ржут. Едят. Отпускают пошлые шутки. Завидев нас, один из них произнёс: «О! Новобранцы! Вы, наверное, за препаратами?» Мы послушно кивнули. Тогда второй из морга резко метнулся в соседнюю комнату, и в следующее мгновение у нас в руках оказался огромный котёл, до краёв заполненный формальдегидом. Нос щипало невыносимо. Дышать было невозможно. Глаза слезились, а в мозгу назревала очередная паническая атака.

Не задавая лишних вопросов, мы двинулись вверх по лестнице. Я шёл и шурился, отводя нос в сторону. То же самое делал Лаврентий. Если честно, у меня ни на секунду не возникало желания заглянуть в котёл.

Когда же мы наконец дошли до анатомички, то, войдя в аудиторию, поставили котлы на стол. Профессор, ехидно улыбаясь, попросил нас помешать содержимое. Я взял поварёшку и в ужасе начал медленно мешать раствор. Хотелось сделать это не глядя, но не тут-то было. Профессор вовсю бдел и злорадствовал, наблюдая за происходящим: «Ну что ж вы такой изнеженный, товарищ Блюмберг? Хе-хе. Ведёте себя словно кисейная барышня. У вас в группе девчонки и то выносливее! Давайте уже смелее мешайте, да не отворачивайтесь, а то как мы с вами оценим улов?»

Мне пришлось-таки пересилить себя и посмотреть вниз. Я зачерпнул один раз – пусто, второй раз – пусто, а на третий раз на меня из поварёшки смотрел глаз... Точнее сказать, он смотрел на меня, а я в это время пытался отвлечься, думая так: «Это всего лишь игра. Эти препараты – это всего лишь части куклы-манекена». Боковым зрением я видел, как то же самое старается вообразить Лаврентий.

Ворочая котлы, мы с моим другом нашли ещё массу «полезных интересностей» – с точки зрения медицины, конечно. Здесь были и позвонки, и рёбра, и сердце, и печень, и даже гениталии... Это был незабываемый и очень познавательный день в моей жизни. Гораздо позже, повзрослев, я понял, почему все, ну или почти все доктора – циники и пошляки. Всё потому, что если ты, будучи врачом или студентом медицинского вуза, не научишься переключаться от таких вот мероприятий, то вскоре сойдёшь с ума. По той же причине врачи с годами обрастают психологической бронёй. Это непробиваемая защита, которая даёт им возможность сохранить психический статус и здоровье, а также не потерять рабочее место. Наша дружба с Лаврентием не ограничивалась одной только учёбой. Мы часто гуляли, ходили в кафе, даже пытались вместе играть на гитарах. Я на классике, он на басу. Время от времени мы захаживали друг к другу в гости: пили чай (и не только), играли в видеоигры, отмечали дни рождения, просто ржали, ну и, разумеется, готовились к коллоквиумам и экзаменам. Я не буду сейчас расписывать все коррупционные схемы внутри образовательных учреждений. Думаю, все и так всё знают. Для меня это очень болезненный вопрос, поскольку в нашем университете были и такие, кто вообще почти не посещал лекции, но когда наступала пора зачётов и экзаменов, почему-то в большинстве своём закрывали сессию на отлично. И вот скажите на милость, какие потом специалисты вырастают из этих студентов? Ну, я думаю, вы догадаетесь.

Один мой одногруппник из золотой молодёжи как-то обмолвился: «Мне эта учёба никаким боком не сдалась! Я сюда хожу ради тёлочек и корочки, которая мне будет нужна для бизнеса! Ха-ха-ха!» Страшно, правда? Что и говорить, мне самому, да и Лаврентию нет-нет да приходилось прибегать к разного рода махинациям, чтобы заполучить зачёт. И не то чтобы мы были настолько тупые, что с третьего-пятого раза не могли сдать предмет... Понимаете, у преподавателей, работающих на кафедрах, были настолько нищенские зарплаты, что им хочешь не хочешь приходилось заваливать

студентов пачками, чтобы хоть как-то существовать. Были и такие уникалы, которые разжились так, что могли позволить себе купить машины, дома, дачи и прочие блага.

Как сейчас помню, был такой случай. Один упёртый и поистине жадный доцент завалил почти всю группу. Ни со второго, ни с третьего раза сдать не получилось... Я и Лаврентий не стали исключением. Мы тщательно стали прорабатывать все варианты решения этой проблемы. Обращались ко всем. Дошла очередь и до старшекурсников. Нам посоветовали человека по имени Давид. Давид был армянином. У этой диаспоры, как вы знаете, большие связи. Так вот, в один из перерывов между парами я и Лаврентий встретились с Давидом возле студенческого кафе. Давид, вопреки ожиданиям, оказался очень спокойным и воспитанным парнем. Он быстро обрисовал нам всю ситуацию со сдачей предмета: приходите на экзамен, отвечаете по билету как можете, после чего подходите с зачёткой к препода, предварительно положив туда сто долларов. Он (Давид) к тому моменту уже уведомит препода о наших персонах, так что никаких проблем не возникнет. Ну, собственно, и всё, говорит.

Выслушав наставления, мы пошли по домам за валютой. Забавно, что на экзамене я вытащил билет, который отскакивал у меня от зубов. Вообще я всегда старался готовиться по совести, чтобы самому не стыдно было, да и воспитание не позволяло халювить. В общем, в тот раз на пересдаче с уже заранее подговорённым преподам я решил, что не буду пихать сотню баксов вперёд ответа, так как был абсолютно уверен в своих знаниях. И что вы думаете? Препода очень удивился двум обстоятельствам. Ну, во-первых, отсутствию баксов, а во-вторых, моим знаниям, которых он никак не ожидал обнаружить. Я ответил на все вопросы в билете, да ещё так полно и развёрнуто, что вся аудитория, включая самого доцента, зашевелилась, оживилась и чуть ли не заплодировала мне. Тогда раздосадованный препода решил, что этого будет мало, и стал гонять меня по всему курсу за семестр. Но и здесь, к удивлению присутствующих, я не сплоховал и вышел победителем. Не зная, что делать, от негодования препода взял мою зачётку и сказал: «Ну что ж, господин Блумберг... Неплохо... Неплохо... Я не знаю, как вы это сделали, но так и быть, я поставлю вам тройку, но с большой натяжкой...» Я потерял дар речи, как и все присутствующие, потому как все, включая меня, были уверены в том, что мне поставят оценку «отлично». Ко мне подходили девчонки в коридоре и с сожалением говорили: «Андрюш, да ты не переживай! Мы ведь сами всё видели... Он, видимо, живёт по принципу: мой предмет на пять знает только Бог, на четыре – я, ну а все остальные – как получится...» Знаете, а они были правы. Таким людям не важны ваши знания, начитанность, уровень интеллекта. Им важно получить бабло и при этом самоутвердиться за счёт несмышлёного студенткишки. После этого случая доцент так меня невзлюбил, что продолжал заваливать на всех последующих зачётах и экзаменах.

К концу второго курса я накопил приличное количество задолженностей, и спасти меня могло только чудо. Давид здесь был бессилён. Моя плохая успеваемость и распушенность были связаны с неразделённой любовью (первой, настоящей и несчастной), домашними проблемами (полное отсутствие взаимопонимания), ну и с первыми пробами взрослой жизни: дискотеки, выпивка, кутёж и чувство полной безнаказанности и мнимой вседозволенности. В итоге я с треском вылетел из медицинского университета, чудесным образом успев ухватиться за спасительную веточку – академический отпуск. Лаврентий очень переживал за меня и высказывал сожаление. Но обратного пути уже не было.

Мы не переставали общаться и смогли сквозь время пронести нашу дружбу. Не виделись годами, но при каждой новой встрече всегда очень радовались друг другу.

Потом, как это часто бывает, наши интересы разошлись, а отношения совсем заглохли, и казалось, что мы никогда больше не будем поддерживать связь. Но судьба распорядилась иначе.

Прошло немало лет. Я женился. Родил дочь. Лаврентий женился два раза, но оба брака закончились разводом. За этот период произошло многое. Он потерял родителей, дядьку. Как потом рассказывал мой друг, после всех этих событий он впал в жёсткую депрессию и сильно запил. Бросил работу, вторую. Влез в долги и кредиты. Продал квартиру (отчий дом), поскольку не мог находиться в ней один – его это очень сильно угнетало. Он даже пустил какую-то татарку пожить бесплатно, лишь бы не одному. Нет, вы не подумайте ничего. Интим он ей не предлагал, да и не до этого ему было.

Когда кредиторы стали затягивать петлю, Лаврентию пришлось сдать квартиру гастарбайтерам, а позже, чтобы закрыть все финансовые бреши, – продать дом, в котором он вырос. На тот момент мой друг был врачом-педиатром, но без лицензии: она истекла за давностью времени, так как он особо и не работал по специальности после университета. Чтобы хоть как-то выйти из травматического ступора, Лаврентий устроился на первую попавшуюся работу – менеджером в рекламное агентство на окраине

столицы. Потом успел поработать грузчиком, строителем, таксистом и бог ещё знает кем. Если честно, я не понимаю, как он справился со всеми этими потрясениями. Один. Ужас... Бедный Лаврентий...

У меня тоже много всего произошло в жизни за это время. Я перепробовал кучу бизнесов и работ. Ничего особо не получалось – ни в музыкальной сфере, в которую я так рвался, ни в шоу-индустрии, поскольку я не обладал характером акулы, что подразумевалось по умолчанию, если ты хотел там чего-то достичь. В какой-то момент я совсем было отчаялся и решил бросить все попытки построить своё дело. Но тут, как обычно, на горизонте замаячила очередная бизнес-идея, а точнее – оказание медицинских и психологических услуг. Тут же вспомнился Лаврентий. На тот момент я был не в курсе всех его дел. То, что он продал квартиру, для меня стало полной неожиданностью. Я тщетно пытался дозвониться по старым номерам. Домашний – отключён, мобильный – заблокирован. Мне невольно стали приходить в голову разные плохие мысли. Но я гнал их прочь как только мог. Наконец, догадавшись открыть браузер, я нашёл его по базам данных. К тому моменту он восстановился в должности педиатра и работал в поликлинике участковым. Мой звонок на его рабочий телефон стал полной неожиданностью теперь уже для него.

– Да, я слушаю, говорите!

– Лаврентий Панов?

– Да, это я. С кем имею честь?

– Андрюха Блюмберг! Помнишь такого? Или забыл совсем про старых друзей?!

– Андрюха, как я рад тебя слышать! Сколько лет... Как ты?

– Да так сразу в двух словах и не скажешь...

– Понимаю, брат, у меня тоже столько всего произошло...

Разговор продлился не очень долго. У Лаврентия было ещё много работы: бесконечные приёмы и выписывание рецептов. Встреча была назначена через несколько дней. В одиннадцать часов вечера мы условились встретиться в кафешке напротив столичного заповедника. Я подъехал первый. Через пять-десять минут появилась машина Лаврентия. Его профиль мелькнул в боковом зеркале моей машины. Мы по очереди вышли из автомобилей. В первую секунду я обомлел. Передо мной стояла «усовершенствованная» – ещё больших размеров – версия Лаврентия. Он был больше прежнего себя раза в два... Узнаваем, но всё же. Мне было непривычно видеть его таким. Как будто он проглотил несколько человек.

Когда мы сели в кафе и стали беседовать, я очень быстро привык к новому образу друга и больше никогда не размышлял на эту тему. Он поведал мне свою историю за прошедшие шесть-семь лет. Я не мог поверить в трагичность случившихся с ним событий. Всё, на что меня хватило, было лишь поддакивание и жестикюляции, похожие на тревожное негодование. Ближе к полуночи мы перешли к теме бизнес-идеи. В ту пору я служил алтарником в храме рядом с домом и, надо сказать, был весьма набожным. Выслушав мою идею и разузнав у меня, что я алтарничаю, Лаврентий широко улыбнулся и сказал: «Ну, раз ты алтарничаешь, то можно тебе доверять!» Забегая вперёд, скажу, что у нас так ничего и не вышло с нашим бизнесом. Тому была масса причин. Хотя были все условия для реализации этой затеи: помещение, низкая арендная плата, готовый сайт, подобранный штат специалистов. Но не срослось. Что поделать, так бывает.. Мы по-прежнему были хорошими друзьями, которые радовались каждой встрече друг с другом. Лаврентий не раз выручал меня деньгами, собственно, как и я его. Помогал с ребёнком, когда того требовали ситуация и его профессиональное присутствие. Да и просто это всегда была взаимная поддержка, которая дорогого стоит, особенно в наше время, когда всем друг на друга наплевать.

Интересный факт. Узнав, что я алтарничаю, Лаврентий очень заинтересовался этим обстоятельством. Как-то раз он даже присутствовал на службе, где я принимал участие. Это была необычная служба. Ночная Литургия. Я читал Апостол, первый и третий час, шестопсалмие, благодарственные молитвы. Лаврентий, как и все присутствующие, исповедовался моему духовнику, но причащаться не дерзнул, объяснив это тем, что он якобы недостоин Христовых Тайн. После той службы я обмолвился, что собираюсь поступать в семинарию и что мой брак трещит по швам... Лаврентий предложил встретиться у меня дома. Через неделю он приехал ко мне в гости. Жена с ребёнком были у тёщи. Мы сели за стол и долго обсуждали разные вопросы, когда наконец Лаврентий прервал нашу беседу фразой:

– Ну, и что у тебя с женой, дорогой?

– Да что тут сказать, Лаврентий. Понимаешь, тут дело такое... У нас полное непонимание с ней. Нет точек соприкосновения.

– Так, я, кажется, понял. А не колдует ли часом твоя суженая?

– А я почём знаю, брат. В целом я ей доверяю, но ты вот сейчас сказал, и я призадумался.

– А что она вообще говорит, Андрюш? Чего она хочет?

– Слушай, Лавр, ну ей всего и всегда мало. Если денег хватает, то мало внимания. Если внимание в норме, то почему так мало денег? Так и живём... А вообще, надо сказать, у меня уже на этой почве развилась такая депрессия, что я ничего делать не могу. Апатия полная. Бессилие телесное и духовное.

– Так, понятно. Значит, точно колдует, Андрюх!..

– Да нет, Лавр, я не думаю. У меня и раньше были разные состояния, а сейчас просто всё обострилось, понимаешь?

– Понимаю, Андрюха. Поэтому и пытаюсь разобраться во всех хитросплетениях. Ты лучше скажи, ты был у неё дома, у её родителей?

– Ну да. А что?

– И что ты там видел? Какие-нибудь обереги, символы?

– Ну, у них там есть разные куклы-ведьмы на метлах, домовые, связки из перца и чеснока, третий глаз над дверью висит...

– Ну, всё ясно, Андрюша, чего-то делают они там, контактируют.

– Чего?

– Да то. Я тебе не рассказывал... Дело в том, что я с детства обладаю некоторыми способностями...

С момента операции в онкоцентре.

– Это как?

– Ну, я могу видеть будущее, прошлое, варианты настоящего и так далее.

– А тебя не смущает, что это противоречит канонам православия?

– А чего бояться, мне и так в аду гореть... Поэтому ничего страшного...

– Лаврентий, ты что, побойся Бога! Давай исповедаемся, причастимся!

– Поздно, Андрюха, поздно, понимаешь... Давай лучше поговорим, что у тебя там за Сашенька была в юности, по которой ты сох и души не чаял?

– Какая Сашенька? А-а-а, ну да, была такая. Там вообще история непонятная. Встречались год, а потом она резко поменяла своё отношение ко мне. Её родители меня возненавидели, а я себе места не находил больше двух лет. Волосы на себе рвал, кулаки о стену ломал. Короче, страдал нещадно. Чуть в дурку не угодил...

– Мама у неё жива?

– У Сашеньки? Нет, умерла от рака мозга.

– Ну, всё понятно... Колдунья... Много на себя взяла и поплатилась...

– Ужас какой... Ты уверен, Лаврентий?

– А ты сам у неё спроси, Андрюш. А вообще тебе нужно три раза её поцеловать при встрече и узнать про мать и ребёнка.

– Зачем мне с ней целоваться и узнавать про ребёнка?

– Целоваться, чтобы разрубить гордые узел и обрести себя, а насчёт ребёнка узнать, твой ли он или нет. Да, и про мать уточнить. Но это только после того, как поцелуешься с ней. Свозишь её на могилу, но за оградку не заходи. Просто спроси про обстоятельства смерти, и всё. Понял?!

– Понял...

Наш разговор продолжался всю ночь. Лаврентий пил водку и закусывал колбасой. Я сидел ошеломлённый и пытался понять, что происходит. Он ещё много раз повторял мне про свои способности и сверхвидение, но предупреждал, что не может слишком много говорить об этом, так как это пагубно потом сказывается на его здоровье.

Ближе к рассвету нас потянуло в сон. Лаврентий лёг прямо на кухонный пол. Попросил дать ему две подушки. Я исполнил его пожелания и удалился в свою комнату. Уснул не сразу, но вскоре от бессилия всё же провалился в сон.

Через несколько часов я почувствовал, что меня кто-то толкает в бок. Повернувшись, я увидел встревоженное лицо Лаврентия.

– Андрюха, ты ничего раньше не замечал странного у себя на кухне?

– Да нет вроде. Иногда телек, правда, включается сам по себе, но это давняя проблема. Он старый, в нём чего-то замыкает, видимо.

– Ага, как же. Замыкает. Бесы это у тебя на кухне бродят и спать не дают. Это новая квартира?

– А что?

– Да так. Похоже, что здесь кого-то убили, – может, этажом выше, может, ниже... Вот и бродит теперь это привидение неприкаянное. Не замечал раньше шагов каких-нибудь? Топота? Стуков?

– Слушай, ну раньше тут сверху вроде бабка жила, так она шаркала каждую ночь...

– Вот то-то и оно, Андрюха. А ещё у тебя в мусорке кто-то стучит!

– Жесть какая. Господи, помилуй! Лаврентий, ты меня пугаешь...

– А чего пугаться-то, такова правда жизни... У меня вот, например, на новой хате ведьма жила. Так она умерла, а дух её до сих пор по квартире ходит да ещё что-то шепчет. Только непонятно, что. У меня кот даже под кровать ныкается и шипит... Ладно, Андрюш, поеду я домой, всё равно из-за бесов не посплю. Надо тебе что-то с этим делать.

Немного погодя Лаврентий собрался и вышел из квартиры. Как я потом выяснил, он поехал не домой, а в кунг, припаркованный у ближайшей станции метро. Ему пришлось сдать ведьмовскую квартиру из-за нехватки денег для погашения всё тех же кредитов. К тому же он не мог больше вступать в контакт с этой нечистью. Я же после этой встречи немедленно побежал в храм: исповедовался, причастился и потом ещё долго каялся в содеянном – разговорах о всяких демонах.

Мы виделись ещё не раз и не два. Лаврентий бывал у меня на даче. Мы выпивали. Ржали. Опять беседовали о потустороннем. Под утро он так же убежал с воплями: «Здесь повсюду бесы! Они в лесу, на крыше! На деревьях! В бассейне плещутся! Извини, брат, но я поеду!» Я всё так же лез к нему за подробностями, а после наших встреч иной раз пытался выполнить его наставления. Но потом раскаивался в содеянном и снова бежал в храм: исповедовался и причащался. И мы снова встречались и снова обсуждали всякие ужасы загробного мира.

Спустя год мой брак развалился... Я впал в тяжёлую ипохондрическую депрессию. Ходил к психотерапевту. Пил таблетки. Пытался вернуть жену. Безрезультатно. Психика всё больше давала сбой. Начались вегетативные расстройства. Как выяснилось, Лаврентий тоже ходил к психиатру на приём с вопросом о его вменяемости. Он целый час рассказывал доктору жуткие истории про свои видения и сверхъестественные способности. На это врач качал головой и говорил: «Да вы, батенька, фантазёр! Ведьмы, духи, сущности, экстрасенсорика! Контакт, общение с потусторонними силами! Ну, вы меня развеселили, Лаврентий Павлович. Вам бы книжки писать про мистику всякую! Не получите вы никакую справку – вы абсолютно здоровы, нет у вас никакой шизофрении. Идите с Богом!»

И он пошёл. Со всеми своими проблемами, одиночеством и видениями. В грязный, холодный, сломанный кунг. Я там бывал – условия нечеловеческие: холод, грязь, антисанитария, выгребной туалет. На уговоры переехать ко мне он твёрдо ответил отказом, ещё раз повторив, что у меня в квартире обитают сущности и бесы... Я долго настаивал, но потом смирился с его решением и перестал беспокоить друга понапрасну.

Какое-то время я ещё не мог оправиться от развода и связанной с ним депрессией. Сидел дома, «загонялся», страдал ипохондрией. Каждый раз, когда видел дочь, рыдал белугой... Снова бежал в храм. Снова пытался алтарничать. Ездил по монастырям. Пытался найти душевный покой. Очень долго ничего не получалось, но потом понемногу я стал приходить в себя. Начал писать рассказы и стихи, находил разные халтурки.

Лаврентий с головой ушёл в профессию. Несмотря ни на что, он доброй души человек. Очень любит детей и своих пациентов. Радеет буквально за каждого. Взял на себя кучу подработки и непомерное количество часов: приёмы, выезды на дом. Лишь бы не думать о плохом и скорее расплатиться с долгами. Много раз из-за перегрузок «ловил» гипертонический криз. А уж сколько раз он болел, заразившись от своих маленьких пациентов, не сосчитать... У него, кстати, две дочки от первого брака, в которых он души не чаёт: заботится, любит, воспитывает, содержит, возит на море каждый год. Настоящий отец. Отзывчивый, мягкий, несчастный, одинокий человек...

Мы всё так же по-доброму общаемся, как друзья, но теперь стараемся не затрагивать запретные темы, связанные с мистикой. Я подарил ему книжку «Очерки гнойной хирургии» Луки Войно-Ясенецкого. На это он сказал: «А вот за это спасибо, брат. Отче Лука – доктор, мой любимый святой!»